

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Самая большая игра на понижение.....	7
ГЛАВА I. Уолл-стрит в тундре	21
ГЛАВА II. Это они изобрели математику	63
ГЛАВА III. Первородный грех Ирландии	107
ГЛАВА IV. Тайная сторона немцев.....	159
ГЛАВА V. Слишком толстый, чтобы летать.....	199
БЛАГОДАРНОСТИ.....	245

ВВЕДЕНИЕ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА НА ПОНИЖЕНИЕ

Идея этой книги родилась случайно, когда я работал над другой книгой — про Уолл-стрит и финансовую катастрофу 2008 г. в Соединенных Штатах. Меня заинтересовала небольшая группа инвесторов, разбогатевших во время краха рынка низкокачественной ипотеки. Еще в 2004 г. крупнейшие инвестиционные банки Уолл-стрит создали инструмент для собственного уничтожения — дефолтный своп на низкокачественную ипотечную облигацию. Дефолтный своп позволял инвесторам делать ставки против любой облигации — продавать ее «в короткую». Это был страховой полис, но необычный: покупатель мог не владеть застрахованными активами. Ни одна страховая компания не может по закону продать вам полис страхования от пожара дома, принадлежащего другому лицу, а финансовые рынки могут и продают страховку от дефолта по чужим инвестициям. Сотни инвесторов безрассудно кинулись на рынок дефолтных свопов — многие интуитивно считали, что подпитываемый долговым финансированием жилищный бум в США был явлением временным — и лишь от силы человек 15 не потеряли головы и сделали крупные ставки на то, что громадная

доля американских финансовых ресурсов сгорит. Большинство из них управляли хедж-фондами в Лондоне и Нью-Йорке, а такие люди обычно избегают журналистов. Однако по этому вопросу в тот момент они были на удивление открыты. Каждый из них, судя по их рассказам, чувствовал себя единственным нормальным человеком в безумном мире, человеком, в одиночестве сидящим в лодке и наблюдающим столкновение «Титаника» с айсбергом.

Некоторые из этих людей просто не могли молчать. Среди них был управляющий хедж-фондом *Nauman Capital* из Далласа, штат Техас. Звали его Кайл Басс. Басс был уроженцем Техаса, ему было под 40, и первые семь лет своей карьеры он проработал в *Bear Stearns*, где торговал облигациями для фирм с Уолл-стрит. В конце 2006 г. он взял половину из \$10 млн, которые заработал за это время, собрал из разных источников еще \$500 млн, создал хедж-фонд и сделал огромную ставку на то, что рынок низкокачественных ипотечных облигаций рухнет. Затем слетал в Нью-Йорк и предупредил старых друзей о том, что во многих сделках они тупо «поставили не на ту лошадь». Трейдеры из *Bear Stearns* не прислушались к его словам. «Занимайся своим риском, а о нашем мы позаботимся сами», — сказал ему один из них. К концу 2008 г., когда я приехал в Даллас на встречу с Бассом, рынок низкокачественных ипотечных облигаций рухнул, а вместе с ним и *Bear Stearns*. Теперь он стал богатым и даже немного известным — в инвестиционных кругах. Басс успел забыть о крахе низкокачественных ипотечных облигаций и направил мысли в другую сторону: сорвав куш, он стал проявлять страстный интерес к государственным ценным бумагам. Как раз в то время правительство Соединенных

Штатов принимало на баланс низкокачественные кредиты Bear Stearns и других банков с Уолл-стрит. В итоге Федеральная резервная система так или иначе нейтрализовала риск, связанный с сомнительными ценными бумагами, который оценивался почти в \$2 трлн. Аналогично Федеральной резервной системе поступили правительства других богатых, экономически развитых стран мира: проблемные кредиты, предоставленные высокооплачиваемыми финансистами из частного сектора, взяли на себя национальные казначейства и центральные банки.

По мнению Кайла Басса, финансовый кризис еще не закончился. Его просто смягчили своими гарантиями правительства богатых западных стран. Я целый день наблюдал за отчаянными спорами Басса с коллегами о том, куда это может привести. Они теперь говорили не об обвале нескольких облигаций. Речь шла о крахе целых стран.

И у них была блестящая новая инвестиционная идея. Суть ее примерно сводилась к следующему. С 2002 г. во многих богатых, развитых странах наблюдался своего рода лжебум. То, что казалось экономическим ростом, на поверку было следствием заимствований, которые люди не могли вернуть: согласно их грубой оценке, с 2002 г. мировые долги, государственные и частные, выросли более чем в два раза — с \$84 трлн до \$195 трлн. «Мировая история еще не знала такого накопления долгов», — сказал Басс. Немаловажно, что крупные банки, которые предоставили изрядную часть кредитов, уже рассматривались не как частные предприятия, а как филиалы правительств своих стран, помощь которым во время кризиса гарантирована. Государственный долг богатых стран уже был на опасно высоком уровне и в условиях

кризиса продолжал расти. Но государственный долг этих стран уже не был формальным государственным долгом. Он фактически включал внутренние долги банковской системы страны, которые в случае возникновения нового кризиса перешли бы к правительству. «Первым делом мы попытались установить, — сказал Басс, — масштабы этих банковских систем, особенно по сравнению с правительственными доходами. Мы потратили около четырех месяцев на сбор данных. Никто ими не располагал».

Когда числа сложили, результаты оказались поразительными: Ирландия, например, имеющая крупный и растущий годовой дефицит, накопила долг, который более чем в 25 раз превышал ее годовые налоговые поступления. Испания и Франция накопили долгов на сумму, превышающую годовые доходы более чем в 10 раз. В прошлом такие уровни госдолга приводили к дефолту правительства. «Думаю, единственный выход для этих стран, — сказал Басс, — это начать по-настоящему сводить бюджет с профицитом. Да-а, только это случится, когда *рак на горе свистнет*».

Ему, однако, хотелось убедиться в том, что он ничего не упустил из виду. «Я решил найти кого-нибудь, кто знает что-нибудь об истории суверенных дефолтов», — сказал Басс. Он нашел ведущего специалиста по этой проблеме — профессора Гарвардского университета по имени Кеннет Рогофф, который, как оказалось, готовил книгу по истории национального финансового краха «На этот раз все будет иначе: Восемь столетий финансового безрассудства» (This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly) в соавторстве с коллегой Кармен Рейнхарт. «Когда мы познакомили Рогоффа с цифрами, — сказал Басс, — он откинулся на стуле и проговорил:

“Даже не верится, что дело обстоит настолько плохо”. Тогда я сказал: “Минуточку! Вы — первейший в мире специалист по суверенным балансам, палочка-выручалочка на случай суверенных бед. Вы преподавали в Принстоне вместе с Беном Бернанке. Вы познакомили Ларри Саммерса с его второй женой. Кому как не вам это знать?” Я подумал: “Блин, и кому до этого есть дело?”».

Отсюда его новая инвестиционная идея: кризис низкокачественных ипотечных бумаг был симптомом, а не причиной. Глубокие социальные и экономические проблемы, которые породили его, остались. В тот момент, когда инвесторы осознали эту реальность, они перестали считать правительства крупных стран Запада абсолютно надежными и потребовали предоставить им более высокие процентные ставки. Когда процентные ставки по займам вырастали, эти правительства еще глубже увязали в долгах, что приводило к дальнейшему росту процентных ставок, по которым им приходилось брать займы. В некоторых особенно тревожных случаях — Греция, Ирландия, Япония — даже при небольшом росте процентных ставок уплата процентов по долгу полностью съедала бюджеты. «К примеру, — сказал Басс, — если бы Японии пришлось занимать по французским ставкам, то одно только процентное бремя привело бы к банкротству правительства». Как только финансовые рынки начинали осознавать это, настроения инвесторов неизменно менялись. Как только настроения инвесторов менялись, эти правительства терпели крах. («Когда доверие потеряно, его не вернуть. Просто не вернуть, и все».) А что потом? Финансовый кризис 2008 г. приостановился только потому, что инвесторы полагали, будто правительства могли занять столько,

сколько было нужно для спасения своих банков. А что случается, когда сами правительства теряют доверие?

Назревал другой, еще более серьезный финансовый кризис, и единственное, что занимало Кайла Басса, — когда это случится. В конце 2008 г. он думал, что Греция может стать первой страной, которую он поразит, что вполне вероятно приведет к крушению евро. Он полагал, что это может произойти в ближайшие два года, но особой уверенности в сроках у него не было. «Предположим, что это случится через пять лет, а не через два года, — говорил он. — Предположим даже, что через семь. Стоит ли мне ждать, когда они закатят глаза к небу, или лучше подготовиться сейчас? Ответ один: сейчас. Потому что, как только все поймут, что это [национальный дефолт] может случиться, подготовка обойдется дорого. Кто ждет, тому придется переплачивать за риски».

Когда мы встретились, Басс только что купил свои первые дефолтные свопы на страны, которые он и его группа аналитиков считали наиболее вероятными кандидатами в неплательщики по долгам: Греция, Ирландия, Италия, Швейцария, Португалия и Испания. Он сделал ставки непосредственно в ряде крупных фирм с Уолл-стрит, которые, как ему казалось, имели минимальный риск провала, — Goldman Sachs, J. P. Morgan и Morgan Stanley — но, сомневаясь в их возможности устоять в более серьезном кризисе, он потребовал, чтобы они ежедневно вносили обеспечение по сделкам. В ретроспективе оказалось, что цены, которые он заплатил за страхование от дефолта, были абсурдно малы. Например, страхование от дефолта греческого правительства обошлось ему в 11 базисных пунктов. Это означает, что при страховании от дефолта греческих государственных облигаций

на \$1 млн компания *Nauman Capital* выплачивала годовую страховую премию в размере \$1100. Басс считал: когда Греция объявит дефолт, что непременно случится, ей придется выплатить примерно 70% долга, а это означает, что каждые \$1100 принесут \$700 000. «Существует неверное представление о том, что развитая страна не может потерпеть дефолт. Это объясняется тем, что мы никогда еще такого на своем веку не видели, — сказал Басс. — И никто не желает серьезно подумать об этом. Даже наши собственные инвесторы. Они смотрят на нас и говорят: “Да, все правильно, у вас есть низкокачественные ипотеки. Но вам вечно кажется, что эти чрезвычайно редкие события происходят гораздо чаще, чем на самом деле”. Однако меня не это интересовало. Я пытался понять, каким образом складываются дела в мире, и это понимание пришло ко мне». Теперь, когда стало ясно, каким образом складываются дела в мире, продолжал он, ему было непонятно, как здравомыслящий человек мог заниматься чем-либо, кроме подготовки к другой, более серьезной финансовой катастрофе. «Пусть это и не конец света, — заявил он, — но многие потеряют массу денег. Наша цель мне видится в том, чтобы не стать одним из них».

В его устах это звучало абсолютно убедительно. В то же время это звучало абсолютно неправдоподобно. Мужик сидит в офисе в Далласе, что в Техасе, и предсказывает будущее стран, куда вряд ли ступала его нога: откуда, черт возьми, он мог знать, как поведет себя горстка людей, которых он никогда не видел? Когда Басс выложил свои идеи, у меня возникло знакомое ощущение, которое часто посещало меня при разговоре с людьми, имеющими весьма определенное мнение о неопределенных событиях. С одной стороны, меня

сразили его доводы и охватило тревожное чувство, что мир скоро рухнет; с другой стороны, меня не оставляло подозрение, что это просто чушь. «Замечательно, — сказал я, а сам уже думал о том, как бы не опоздать на свой рейс. — Но если даже вы правы, что делать обычному человеку?»

Он уставился на меня, как если бы увидел интересное зрелище: самого большого дурака в мире. «Что вы отвечаете своей матери на вопрос о том, куда вложить деньги?» — спросил я. «Оружие и золото», — просто сказал он. «Оружие и золото», — повторил я. Он все-таки порол чушь. «Только не золотые фьючерсы, — сказал он, не замечая одолевавших меня мыслей. — Надо покупать физическое золото». Он объяснил, что, когда разразится очередной кризис, рынок золотых фьючерсов, скорее всего, заклинит, поскольку объема имеющегося золота не хватит для выполнения всех фьючерсных контрактов. Те, кто полагал, что владеют золотом, обнаружат, что владеют всего лишь бумажками. Он открыл ящик стола, вытащил гигантский золотой слиток и бросил его на стол. «Мы купили множество таких слитков».

В тот момент я лишь нервно хихикал и поглядывал на дверь. Предсказать будущее гораздо сложнее, чем пытаются нас уверить дельцы с Уолл-стрит. Человек, который с такой уверенностью предсказывает будущее, как Кайл Басс предсказывал крах рынка низкокачественных ипотечных облигаций, вполне может заблуждаться, полагая, что способен исключительно верно судить и о множестве других сложных вещей. Во всяком случае меня гораздо больше волновали попытки разобраться в недавних событиях в Америке, чем события, назревавшие в остальной части мира, что в то время казалось мне пустяком. Басс же практически потерял интерес

к недавним событиям в Америке, полагая, что во внешнем мире назревают куда более важные события. Я извинился, покинул Даллас и выкинул Кайла Басса из головы. И при подготовке книги не стал использовать эти материалы.

А потом финансовый мир снова начал меняться, причем ситуация весьма напоминала прорицание Кайла Басса. На грани банкротства оказывались целые страны. Если вначале казалось, что кризис затронул главным образом Уолл-стрит, то в итоге получилось, что в него вовлечены все страны, у которых были серьезные связи с Уолл-стрит. Я закончил книгу о кризисе рынка низкокачественной ипотеки и о людях, которые сделали на нем состояние, но мне хотелось разобраться в происходящем, и я решил посетить другие страны, о которых говорил Басс. Во время поездок меня мучил один вопрос: *как управляющий хедж-фонда из Далласа смог предвидеть такой необычный ход событий?*

Через два с половиной года, летом 2011 г., я вернулся в Даллас, чтобы задать Кайлу Бассу этот вопрос. Греческие дефолтные свопы выросли с 11 б.п. до 2300 б.п.; Греция была на грани дефолта по национальному долгу. Ирландии и Португалии требовалась масштабная финансовая помощь, а Испанию и Италию перестали считать в целом безрисковыми странами, и они вошли в число стран на грани финансового краха. В довершение всего министерство финансов Японии намеревалось послать делегацию в Соединенные Штаты для посещения крупных облигационных инвестиционных фондов, таких как Pimco и Blackrock, с целью выяснить, нет ли таких, кто пожелает купить десятилетние государственные облигации Японии на полтриллиона долларов. «В такой сценарий еще никто из живущих на этом свете

не инвестировал, — сказал Басс. — Теперь нашими главными приоритетами стали Япония и Франция. Когда сработает эффект домино, хуже всего, безусловно, придется Франции. Я только надеюсь на то, что крах начнется не с Соединенных Штатов. Я поставил на то, что этого не случится. Знаете, чего я боюсь больше всего? Что ошибусь в последовательности событий. Но в конечном исходе я уверен твердо».

Он по-прежнему владел кучей золотых и платиновых слитков, которые успели вырасти в цене почти вдвое, но продолжал поиски надежных инструментов, которые могли бы застраховать его от предстоящего — как он полагал — снижения стоимости бумажных денег. Пятицентовые монеты, например.

— В пятицентовой монете одного металла на 6,8 цента, — сказал он. — Вам это известно?

Я этого не знал.

— Я купил их на миллион долларов, — сказал он и, увидев, что я не силен в математике, добавил: — Это двадцать миллионов монет.

— Вы купили двадцать миллионов пятицентовых монет?

— Угу.

— А как можно купить двадцать миллионов пятицентовых монет?

— Вообще-то, это очень непросто, — сказал он и потом объяснил, что позвонил в свой банк и уговорил их заказать ему двадцать миллионов пятицентовых монет. В конце концов, банк выполнил его требование, но пришлось отвечать на вопросы Федеральной резервной системы. «Очевидно, из Федеральной резервной системы позвонили моему менеджеру в банке, — говорит он. — Его спросили: “Зачем вам все

эти пятицентовые монеты?” Тогда он позвонил мне и спросил: “Зачем вам все эти пятицентовые монеты?” И я сказал: “Просто мне нравятся никели”».

Он достал фотографию своих пятицентовых монет и передал ее мне. Они лежали на гигантских деревянных поддонах в хранилище, построенном компанией Brink в деловом центре Далласа.

— Уверяю вас, в ближайшие два года содержание никеля изменится, — сказал он. — Вы непременно должны позвонить в свой банк и купить монеты без промедления.

Сомневаюсь, что Кайл Басс был из тех людей, которые любят торчать в конторе, уставившись на экран компьютера. Он по натуре непоседа. Мы прыгнули в его Hummer, украшенный наклейками на бампере («Да хранит Господь наших солдат, особенно, снайперов») и тюнингованный по прихоти владельца: например, он мог нажать на кнопку и на манер Джеймса Бонда высыпать на дорогу позади гигантские гвозди. Мы с ревом вылетели на холмистую тexasскую местность, где разбогатевший на кризисе низкокачественных ипотечных кредитов Кайл Басс приобрел настоящую крепость: дом в стиле ранчо площадью 3716 кв. м и тысячи акров земли. В этой глухомани был собственный источник воды, а также арсенал автоматического оружия, снайперских винтовок и небольших взрывных устройств, и всей этой амуниции хватило бы на целый батальон. В ту ночь мы носились по его владениям на армейском джипе и стреляли из армейских снайперских винтовок новейшего образца с инфракрасными прицелами по бобрам, которые, по словам Басса, представляли угрозу для его водных путей. «Все эти взрывные штучки можно купить через Интернет, — сказал он, когда

мы бродили по желтым холмам. — Это реакция между молекулами. FedEx доставит вам хоть сотни килограммов этого добра». Те немногие бобры, уцелевшие после ночной бойни, утром обнаружили, что их плотины разрушены.

— Сдается мне, что это не совсем честная битва, — сказал я.

— Бобры — это грызуны, — сказал он.

Что бы он ни делал, ему это явно доставляло удовольствие. Он два с половиной года изучал глобальную финансовую систему и пришел к выводу, что не зря относился к ее руководителям с пессимизмом. Это не выбило у него почву из-под ног. Ему безумно нравилось иметь собственное мнение о событиях, которые казались непостижимыми. «Я не из тех, кто всю жизнь помешан на негативе, — признался он. — Думаю, есть вещи, через которые мы должны пройти. Это расплата за грехи прошлого».

И снова управляющий хедж-фондом был в какой-то мере прав, а мир в какой-то степени неправ. И тут я в очередной раз задался вопросом, который терзал меня больше двух лет. «Вот вы, — сказал я откровенно, — провинциальный управляющий хедж-фондом из техасского Далласа, который всю свою сознательную жизнь прожил в нескольких милях отсюда. Вы не говорите на иностранных языках. Вы редко бываете за границей. Вы глубоко патриотичны: объект вашей благотворительности — ветераны, получившие ранения. Среди ваших знакомых практически одни американцы. Как вам пришлось в голову приступить к разработке теорий о финансовом будущем этих далеких от вас стран?»

— Меня подвигла Исландия, — сказал он. — Я всегда интересовался Исландией.

— И почему же?

— Вы в детстве играли в «Риск»? — спросил он. — Я любил играть в «Риск». И всегда размещал все свои армии в Исландии. Потому что оттуда можно напасть на *любую страну*.

Уверенность в том, что с территории Исландии можно напасть на любую страну, побудила Кайла Басса узнать как можно больше об Исландии и с пристальным вниманием следить за событиями в этой стране. Например, он выяснил, что географы считают Исландию страной с особой способностью к выживанию в экологически трудных условиях. «Мы постоянно твердили: “Эти банки обанкротились”. Однако правительство продолжало спасать эти банки, — говорил он. — И в разгар всего этого Исландия обанкротилась. И я подумал: “Интересно получается! Как после 1000 лет благополучного существования и преодоления всяческих природных испытаний они оказались в таком сложном положении?”»

Я получил ответ на свой вопрос. Его интерес начался с одной настольной игры, а заканчивался настольной игрой другого рода. И снова Исландия оказалась подходящим местом для старта.

ГЛАВА I

УОЛЛ-СТРИТ В ТУНДРЕ

Сразу после 6 октября 2008 г., когда Исландия фактически вылетела в трубу, я беседовал с представителем Международного валютного фонда, который летал в Рейкьявик, чтобы установить, разумно ли предоставлять кредит обанкротившейся до такой степени стране. До этого он никогда не был в Исландии, ничего не знал о ней и сказал, что ему нужна карта, чтобы понять, где это. Всю свою жизнь он имел дело исключительно с бедными странами, как правило, африканскими, где постоянно возникали те или иные финансовые неурядицы. С Исландией же дело обстояло совершенно иначе — это была страна с чрезвычайно обеспеченными (№ 1 согласно Индексу развития человеческого потенциала ООН в 2008 г.), хорошо образованными, исторически рациональными жителями, которые организованно совершили одно из величайших безумств в истории финансов. «Вы должны понять, — сказал он мне, — что Исландия больше не страна. Это хедж-фонд».

Вся страна, у которой не было не то что непосредственного опыта, но даже отдаленного намека на участие в крупных финансовых операциях, посмотрела на пример Уолл-стрит

и сказала: «Мы можем это сделать». На короткий момент показалось, что они действительно могут. В 2003 г. три крупнейших исландских банка владели активами всего лишь на несколько миллиардов долларов, что составляло около 100% ВВП страны. За последующие три с половиной года банковские активы превысили \$140 млрд и стали настолько выше ВВП Исландии, что уже не имело смысла высчитывать процент. Как сообщил мне один экономист, это было «самым стремительным ростом банковской системы за всю историю человечества».

В то же время, отчасти из-за того, что банки также предоставляли исландцам кредиты на покупку акций и недвижимости, стоимость исландских акций и недвижимости резко поднялась. Если за 2003–2007 гг. стоимость фондового рынка США удвоилась, то стоимость исландского фондового рынка выросла в девять раз. Цены на недвижимость в Рейкьявике утроились. В 2006 г. средняя исландская семья стала в три раза богаче по сравнению с 2003 г., причем практически все новоприобретенное богатство было так или иначе связано с новой отраслью — инвестиционным банковским бизнесом. «Все принялись изучать модель опционного ценообразования Блэка–Шоулза», — говорит Рагнар Арнасон, профессор экономики рыболовства из Университета Исландии, который видел, как студенты бросали экономику рыболовства и уходили с головой в экономическую теорию денег. «Машиностроительные и математические отделения предлагали курсы по финансовому инжинирингу. У нас сотни и сотни людей изучали финансы». И это происходило в стране размером с Кентукки, в которой жителей меньше, чем в Пеории с пригородами (штат Иллинойс). Но в Пеории нет ни финансовых

институтов мирового значения, ни университета, обучающего сотни будущих финансистов, ни собственной валюты. Тем не менее мир воспринимал Исландию со всей серьезностью. (Заголовок в новостях агентства Bloomberg в марте 2006 г.: ИСЛАНДСКИЙ МАГНАТ-МИЛЛИАРДЕР «ТОР» ОТВАЖИВАЕТСЯ СОЗДАТЬ В США СОБСТВЕННЫЙ ХЕДЖ-ФОНД.)

Как оказалось, у глобальных финансовых амбиций есть и оборотная сторона. Когда рухнули три только что созданных глобальных банка, 300 000 исландских граждан обнаружили, что они, оказывается, несут ответственность за банковские убытки в размере \$100 млрд, а это означает \$330 000 на каждого мужчину, женщину и ребенка в Исландии. К тому же они потеряли десятки миллиардов долларов на собственной неумелой спекуляции иностранной валютой и еще больше из-за обвала исландского фондового рынка на 85%. Точно оценить в долларах исландскую финансовую дыру оказалось практически невозможно ввиду ее зависимости от обычно устойчивой исландской кроны, которая также обесценилась и перестала обмениваться на иностранную валюту. Но дыра была огромной.

Исландия мгновенно стала единственной страной на Земле, про которую американцы могли сказать: «Ну по крайней мере мы до *этого* не дошли». В итоге исландцы влезли в долги, составившие 850% ВВП. (У погрязших в долгах Соединенных Штатов этот показатель достиг лишь 350%.) При всей абсурдной огромности и важности банков с Уолл-стрит для экономики США они никогда не разрастались до такой степени, что население не смогло бы им помочь в случае крайней необходимости. Каждый из трех исландских

банков понес настолько крупные убытки, что нация с ними не справилась; в совокупности они оказались непомерными до такой степени, что в течение нескольких недель после наступления краха треть населения сообщила исследователям общественного мнения, что подумывает об эмиграции.

Всего за три-четыре года этому стабильному коллективистскому обществу привили совершенно иной образ жизни, причем привой значительно перерос подвой. «Они действовали, как малые дети, — сказал представитель МВФ. — Одевшие в черное, они появились в этом эгалитарном обществе и начали делать бизнес».

В 500 МИЛЯХ К СЕВЕРО-ЗАПАДУ от Шотландии самолет авиакомпании Icelandair приземляется и вырубает к терминалу, на котором по-прежнему красуется логотип Landsbanki. Наряду с Kaupthing и Glitnir Landsbanki входит в тройку обанкротившихся исландских банков. Я пытаюсь придумать подходящую метафору для разрастающегося всемирного отстойника вымерших финансовых корпоративных спонсоров — вода, оставшаяся в садовом шланге после отключения? — но не успеваю: сидящий сзади пассажир снимает с верхней полки сумку и больно задевает меня. Скоро я узнаю, что исландские особи мужского пола, подобно лосям, баранам и другим рогатым млекопитающим, считают такие штучки необходимым элементом борьбы за существование. Я также узнаю, что этот самый исландец является руководящим работником Исландской фондовой биржи. В тот момент, однако, я знал только то, что один человек средних лет в дорогом костюме способен сильно толкнуть другого и при этом ни извиниться, ни объяснить. До самого

паспортного контроля меня не отпускало возмущение этим явно беспричинным актом враждебности.

Можно многое рассказать о стране по тому, насколько лучше они относятся к своим гражданам по сравнению с иностранцами в пункте въезда в страну. Да будет вам известно, что исландцы не делают вообще никаких различий. Над будкой паспортного контроля они повесили замечательную надпись «ВСЕ ГРАЖДАНЕ» и под этим имеют в виду вовсе не «Все исландские граждане», а именно «Все граждане отовсюду». Мы, обретающиеся в разных уголках земного шара, выстроились в одну очередь к парню за стеклом. Вы не успеете сказать «страна противоречий», как он сделает вид, что изучает ваш паспорт и махнет рукой, чтобы проходили.

Далее мы видим темный ландшафт: присыпанную снегом черную вулканическую породу, которая, будь она лунной или нет, до такой степени напоминает нам лунную поверхность, что ученые из NASA использовали ее для акклиматизации астронавтов перед первым полетом на Луну. Спустя час мы прибываем в гостиницу 101 Hotel, которой владеет супруга одного из самых известных обанкротившихся банкиров Исландии. Она называется загадочно (101 — это почтовый код самого богатого района города), но сразу же узнается: понтовый манхэттенский отель. Персонал в черном, непонятная живопись на стенах, непрочитанные книги о моде на неиспользуемых кофейных столиках — все для того, чтобы усилить социальную фобию неотесанного деревенщины, не хватает разве что газеты *New York Observer*. В местах такого рода останавливаются банкиры, думающие, что именно здесь останавливаются художники. В январе 2008 г. банк Bear Stearns

провел здесь совещание управляющих британских и американских хедж-фондов с целью выяснить, сколько денег можно заработать на кризисе в Исландии. (Много.) Отель, некогда забитый до отказа, сейчас пустует: заняты лишь шесть из 38 номеров. Ресторан тоже пуст, равно как и столики и укромные уголки, где в былые времена сидели посетители, на которых с благоговением взирали те, кто не мог себе этого позволить. Обанкротившаяся гостиница Holiday Inn являет собой печальное зрелище, а Ian Schrager — и во все трагичное.

Поскольку финансисты, некогда платившие большие деньги за пребывание здесь, исчезли навсегда, мне за полцены дали большой номер на верхнем этаже с видом на Старый город. Я сворачиваюсь калачиком в белых шелковистых простынях и протягиваю руку за книгой об исландской экономике, написанной в 1995 г., до банкротии, когда страна мало что продавала внешнему миру, кроме свежей рыбы, и читаю это замечательное предложение: «Исландцы относятся с заметным подозрением к рыночной системе как краеугольному камню экономической деятельности, а особенно к ее влиянию на распределение».

И тут я слышу странные звуки.

Во-первых, стук спинки кровати о стену в сопровождении стонов и визгов. Вернулась на ночь пара в соседнем номере. Их крики становятся все громче, но, странное дело, как бы громко они ни вопили и как бы ясно я их ни слышал, слова среди этих стонов остаются совершенно непонятными. Поняв, что мне трудно сосредоточиться на «Исландской рыбной промышленности», я пытаюсь имитировать услышанные сквозь стену звуки — но языку приходится поворачиваться

как никогда в жизни. Звуки по другую сторону стены странно напоминают речь хоббита из рода Стурсов из «Властелина колец». *Голлум... Голлум!.. Мордор... Мордор!* Потом я понял: это же исландский язык.

Дальше я слышу громкое шипенье на другом конце номера. Встаю с кровати, чтобы проверить, что случилось. Это отопительная система клокочет подобно надолго оставленному на плите чайнику, пытаюсь совладать с собой. В Исландии отопление не такое, к которому мы привыкли, — это тепло, поступающее непосредственно из земли. Здесь вода всегда обжигаете горяча. Каждый год рабочие, выполняющие уличные ремонтные работы, перекрывают холодную воду, которая регулирует температуру воды в системе, и какой-нибудь несчастный исландец чуть ли не сваривается заживо в своем душе. Жар земли, поступающий в мой номер, настолько силен, что нужен какой-нибудь мощный скрежещущий, хрипящий двигатель, чтобы помочь мне не свариться.

Под конец с улицы доносится взрыв.

Бах!

Потом другой.

Бах!

ПОСКОЛЬКУ ДЕЛО ПРОИСХОДИТ в середине декабря, солнце встает (лениво) в 10.50, а заходит (шустро) в 15.44. Это явно лучше, чем если бы его вообще не было, — плохо только то, что оно создает видимость нормальной жизни. А это место, каким бы ни было в других отношениях, ненормально. Впечатление подтверждает 26-летний исландец, которого я назову Магнусом Олафссоном. Еще несколько недель назад он был валютным трейдером в одном из банков и зарабатывал почти

миллион долларов в год. Высокий привлекательный блондин, Олафссон являет собой типичный образ исландца, подсказанный нашим воображением, в то время как на самом деле большинство исландцев имеют волосы мышинового цвета и мешковатые фигуры. «У моей матери такие запасы еды, что она может открыть продовольственный магазин», — говорит он и добавляет, что с наступлением краха в Рейкьявике чувствуется напряжение и тревога.

Двумя месяцами раньше, в начале октября, когда рынок исландских крон умер, он сбежал из своего трейдингового отдела и стал простым банковским кассиром. На новом месте он изъял всю иностранную наличность, которая попала ему в руки, и набил ею мешок. «В тот день по всей деловой части города ходили люди с пакетами, — говорит он. — Хотя обычно в деловом районе никто никогда не ходит с пакетами». После работы он пришел домой со своим мешком денег и спрятал иены, доллары, евро и фунты стерлингов — общей суммой примерно на 30 штук баксов — в настольной игре.

До октября известные банкиры были героями, теперь же они либо уехали за границу, либо залегли на дно. До октября Магнус считал Исландию преимущественно безопасной страной; теперь же ему мерещатся полчища иностранных бандитов, устремившихся в Исландию с целью очистить его кубышку в виде настольной игры. По этой причине он и просит меня не указывать его настоящего имени. «Представьте себе, что Нью-Йорк узнает об этом и пришлет сюда целые самолеты грабителей, — теоретизирует он. — Здесь почти все хранят сбережения дома». Раз уж он все равно пребывает в тревоге, я рассказываю ему о тревожных взрывах

неподалеку от моей гостиницы. «Да, — с улыбкой говорит он, — в последнее время у нас тут немало автомобилей сгорело». Затем объясняет.

В последние годы многие исландцы увлеклись одной опасной спекуляцией. Поскольку местные процентные ставки составляли 15,5% и курс кроны повышался, они придумали хитрую вещь: желая сделать приобретение, которое им было не по карману, они занимали деньги не в кронах, а в иенах и швейцарских франках. Они брали кредит в иенах под 3% годовых и срывали крупный куш на торговле валютой, поскольку крона продолжала расти. «Парни, которые занимались рыболовством, довольно скоро смекнули, что дело пахнет деньгами, и расширили торговлю до небывалых масштабов, — говорит Магнус. — Но они сделали на этом такую кучу денег, что в итоге финансовый бизнес стал для них важнее рыболовного». Рыболовы сделали на этом такую кучу денег, что их пример стал заразительным.

Должно быть, им казалось, что для такого дела много ума не надо: знай себе покупай эти растущие в цене дома и автомобили на удачно заимствованные деньги. Однако после обвала кроны в октябре иены и швейцарские франки, которые им предстояло возвратить, во много раз подорожали. Сейчас многие исландцы, в особенности молодые, сидят по уши в долгах: так, за дома стоимостью \$500 000 им предстоит выплатить ипотеку на сумму \$1,5 млн, за Range Rover стоимостью \$35 000 — кредит в размере \$100 000. Что касается автомобилей, то здесь проблему можно решить двумя способами. Первый: погрузить на судно, отправить в Европу и попытаться продать за валюту, которая все еще в цене. Второй: поджечь и получить страховку — *бах!*

Хотя Рейкьявик расположен на горном массиве вулканического происхождения, в городе чувствуется некий налет «осажденности»: поверх нескольких толстых слоев архитектуры, которую следовало бы отнести к нордическому прагматическому стилю, лежит тонкий слой, который, по всей видимости, когда-нибудь назовут тупым капиталистическим. Небольшие, по размеру подходящие для хоббитов, здания исландского правительства очаровательны и прекрасно вписываются в городскую среду. А вот предназначенные для нуворишей-финансистов недостроенные стеклянные башни на берегу океана, которые к тому же закрывают для всех вид на белые отвесные скалы в бухте, явно нарушают гармонию.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СПОСОБ познакомиться с городом — побродить по нему пешком, но куда бы я ни пошел, везде в меня врезаются исландцы мужского полу, причем без всякого намека на извинения. Чисто из спортивного интереса я начинаю безрассудно фланировать по главной торговой улице, пытаюсь проверить, не найдется ли хоть один исландец, который захочет обойти меня, дабы избежать столкновения. Напрасно. Проблема особенно обостряется во время массовых ночных попок — в четверг, пятницу и субботу. Создается впечатление, что полстраны считает своим профессиональным долгом надраться до беспамятства и шляться по улицам до, условно говоря, восхода солнца. Бары открыты до пяти утра, и неистовая энергия, с которой народ тусуется в них, сродни самой настоящей работе. Уже через несколько минут после входа в ночной клуб Boston я огребаю по полной. Сначала получаю удар от бородатого тролля, который, как мне сказали,

возглавлял исландский хедж-фонд. Не успеваю прийти в себя, как на меня налетает пьяный ответственный сотрудник Центрального банка. То ли потому, что он пьян, то ли потому, что мы познакомились несколько часов назад, он останавливает меня и говорит: «Ми хотим сказать им, что наша проблема нэ в платожеспособности, а в ликвидности, но они нэ согласны», после чего ковыляет дальше. Именно так говорили Lehman Brothers и Citigroup: если бы вы дали нам денег, чтобы мы могли продержаться, мы бы справились с этим маленьким сбоем.

Нация, настолько крошечная и однородная, что все друг друга довольно хорошо знают, настолько отличается от привычного значения слова «нация», что буквально требует новое определение. Действительно, исландцы не столько нация, сколько одна большая семья. Например, подразумевается, что большинство исландцев исповедуют лютеранство. Если они не хотят принадлежать к лютеранской церкви, то должны подать заявление властям и выйти из нее. В то же время, заполнив соответствующий бланк, они могут начать исповедовать свою собственную религию и получить субсидию. Другой пример: в телефонной книге Рейкьявика абоненты указаны по именам, поскольку в Исландии всего около девяти фамилий, и они образуются присоединением «son» [сын] или «dóttir» [дочь] к имени отца. Трудно понять, как такая система упрощает дело, поскольку и имен-то в Исландии, кажется, тоже около девяти. Однако, если вы захотите продемонстрировать свое незнание Исландии, стоит лишь обратиться к мужчине по имени Сиггор Сигфуссон «г-н Сигфуссон» или к даме по имени Кристин Петурсдоттир «г-жа Петурсдоттир». Во всяком случае в любой беседе

все понимают, о ком идет речь, поэтому вы никогда не услышите: «Какого Сиггора вы имеете в виду?»

Так как Исландия — это действительно одна большая семья, не стоит донимать исландцев вопросами о том, встречались ли они с Бьорк. Разумеется, они знакомы с Бьорк; кто же не знаком с Бьорк? И кто, если уж на то пошло, не знал Бьорк, когда ей было два года? «Да, я знаю Бьорк, — раздраженно отвечает на мой вопрос преподаватель финансов из Университета Исландии. — Она не умеет петь, и я знаю ее мать с детства, и они обе были сумасшедшими. От того, что Бьорк хорошо известна не только в Исландии, но и во всем мире, мое мнение о ней не изменится».

Преимущество жизни среди народа, который якобы представляет собой большую семью, заключается в том, что никому ничего не нужно объяснять — каждый знает все, что полагается знать. Я вскоре обнаруживаю, что, например, спрашивать дорогу здесь — абсолютно пустая трата времени (почти как у нас). Вам не только полагается знать, о каком-то таком Бьорнйолфере идет речь в данный момент, но и то, в какой точке на карте вы находитесь. Два взрослых человека, один из которых банкир, работающий в трех кварталах отсюда, не могут объяснить мне, где находится кабинет премьер-министра. Трое других — в трех кварталах от Национальной галереи Исландии — понятия не имеют, как до нее добраться. Когда я замечаю сотруднице Национального музея, приятной женщине средних лет, что ни один исландец, похоже, не знает его местоположения, она говорит: «На самом деле никто ничего не знает о нашей стране. На прошлой неделе у нас были школьники, и учитель попросил их назвать исландского художника XIX в. Никто из них не знал.

Ни один человек! Один сказал: “Халлдор Лакснесс?”» (Лакснесс получил Нобелевскую премию по литературе в 1955 г., что было большой честью для исландца. Следующими мировое признание получили в 1980-х гг. две исландки, которые одна за другой завоевали титул Мисс мира.)

СЕЙЧАС У ЖИТЕЛЕЙ МНОГИХ городов мира сложилось ощущение, что они живут на пороховой бочке, фитиль которой уже подожжен, и никто не способен погасить его. Прохожие, гулявшие по Манхэттену накануне краха Lehman Brothers, видели пустые магазины, пустые улицы и пустые — даже в дождливую погоду — такси: люди разбежались, пока бочка не взорвалась. Такое же ощущение приближающегося конца света было у меня в Рейкьявике, только фитиль горел как-то странно. По закону предусматривается выплата выходных пособий в размере трехмесячного оклада, поэтому многие уволенные банковские служащие успели получить деньги до начала февраля, когда правительство в полном составе ушло в отставку. Курс кроны к валютной корзине падает более чем в три раза по сравнению с пиковым значением. Поскольку Исландия импортирует все, кроме энергии и рыбы, практически все цены в середине декабря резко подскакивают. Одна новая знакомая, работающая на государственной службе, рассказывает мне о походе в магазин за светильником. По словам продавца, нужного светильника в продаже больше нет, но он может заказать его в Швеции — по тройной цене.

Тем не менее в одночасье разорившееся общество со стороны кажется почти не изменившимся со времен, когда оно считало себя богатым как никогда. Пример

тому — Центральный банк Исландии. Почти наверняка евро станет валютой Исландии, а крона прекратит свое существование. Без нее же отпадет необходимость в центральном банке, призванном поддерживать стабильность местной валюты и регулировать процентные ставки. Здесь обретается Давид Оддссон, виновник взлета и падения Исландии. Еще в 1980-е гг. Оддссон попал под магическое влияние блестящего экономиста Милтона Фридмана, который был способен убедить в никчемности правительства кого угодно, даже самих правительственных чиновников. И Оддссон начал искать путь, который поможет исландскому народу обрести свободу, под которой он понимал свободу от любого контроля со стороны правительства. В бытность премьер-министром он снизил налоги, приватизировал промышленность, расширил свободу торговли и, наконец, в 2002 г. приватизировал банки. В конце концов, ему надоела должность премьер-министра, и он возглавил Центральный банк — не имея никакого опыта в банковском деле и будучи по образованию поэтом.

После краха этот ученик Милтона Фридмана нашел убежище в своем кабинете в банке и отклоняет все просьбы дать интервью. Высокопоставленные чиновники из правительства сообщили мне, причем без шуток, что предполагают, будто он большую часть времени сочиняет стихи. (В феврале 2009 г. новое правительство попросит его уйти в отставку.) Впрочем, снаружи Центральный банк Исландии по-прежнему выглядит элегантно черным храмом на фоне белых скал по другую сторону бухты. Туда по-прежнему ходят трезвые на вид люди. Мальчишки стрелой летят с горы по соседству с Центробанком, и им наплевать на то, что они играют в эпицентре